

Я смотрел из окна,
как весна на зеленых качелях,
башмачком зачерпнув
напитавшийся бедами снег,
улыбается,
и старуха спешит на вечерню —
отмолить и себя,
и железный заржавленный век.

Голубеющий сад
и нагая шершавая пашня,
жарких лиц мельтешенье
в твердеющей мгле за углом,
старый тополь стрелой,
как ветрами затертая башня,
как вселенский рычаг,
чтобы Что-то хвататься могло.

Я стоял у окна,
и скрипело крепление качелей,
и холодный металл
обжигал поясницу весны,
и чертили лучи
четкий срез неизбывных сечений,
отрезая снега —
как надел — от угодий лесных.

Не замолит никто,
не испросит прощение. Всеу.
На затылок слетает
старуший пуховый платок.
Взмах руки очертание нимба рисует.
Надеваю пальто. Выхожу на порог.

Река Москва, над нею — чайка
крылом касается воды.
Касаюсь я — почти случайно —
своей губой твоей губы.

Соленой рыбой пахнет берег,
зачем солить ее в реке?
И катит трехколесный велик
девчонка в тоненькой руке.

Машины, сгорбившись, стирают
асфальт последний с мостовых,
и солнце ползает по краю —
границе мертвых и живых...

А если просто — вечный вечер,
как у ларька в пальто старик,
большие вдавленные плечи,
кудрлатой чайки трубный крик.

Она садится на макушку
и прячет пузо в седине,
а он сует в карман чекушку,
предел венчая на земле.

* * *

Мы глядели в глаза
и о том и о сем говорили,
и закат —
растолстевшим за зиму котом —
лег усами в Москве,
а хвостом под Воронежем или
под ростовским железнодорожным мостом.

И качали ссутуленный месяц
кудрлатые лапы,
и поскрипывал гвоздь,
на котором тот месяц висел,
и, наверное, кто-то сейчас
от бессилия плакал,
и с ведром молока
шла доярка по крупной росе.

И, наверное, пальцы в галошах
от холода жались
и беззубо и жадно
жевала галоши земля,

и завязывал леший на узел
луженую завязь.
Было все. Только прежде —
глядели глаза на меня.

А под ними, как бусинки,
белые капельки пота,
а над ними, как ниточки,
черные стежки бровей.
Были б бусы,
но мне не по силам работа,
тебе нужен другой —
поуверенней и посильней.

* * *

Ходишь ощупью по квартире,
незнакомой, давно уснувшей —
в темноте, как в тягучей тине,
капля в ванной — что «ква» лягушки.

И сопят, и носами дышат,
обливая подушки потом, —
почему-то под общей крышей,
как под сводом глухого грота.

Ходишь ощупью — выход ищешь —
и — о притолоки, об стенки,
об комод, что как слабый нищий
у двери заломил коленки.

* * *

Лето. Вечер. Свет игольчат
между липами в цвету.
Гладкий стриж в корявый почерк
размечает высоту.

На лету, в пике — рывками —
рвет тугую синеву,
и из порванного края
краска капает в траву.

И зализывают тучи,
буркнув громом на стрижа,
рваной раны след пахучий
от стрижиного ножа.

Дребезжат железом лужи
и «УАЗик» дребезжит,

путь извилистей и уже
у заброшенной межи.

В березняк, кривой и тонкий,
мочажины миновав,
заезжаем и по стопке
опрокидываем вмах.

Между первой и последней —
долгий взгляд, короткий вздох.
Я — родившийся намердн —
еще помню слово «Бог».

Ты — невдолге — уходящий
Бога слышишь, Бога ждешь.
Подмигнет из чащи пращур.
Фыркнет еж.

* * *

Я помню вечер деревенский
и самогонку с молоком,
и разговоры за столом:
— Да, полно, Васька,
будет,
хрен с ним,
корова слижет языком.

Я помню, пили с мужиком.
Три года мучился он язвой.
Я говорил ему:
— Завязывай! —
и зычно бряцал стаканом.

А он глядел поверх очков,
глядел свежо,
глядел напряжно.
— Ну, полно, Васька,
ну, ужо, стращать-то правдою
сермяжной.

Он так глядел,
он так глядел,
как смотрит только деревенский,
который вечно — не у дел.
И наливал я —
хрен с ним,
хрен с ним!

Я помню, пили, помню ели
или не ели ничего,

но точно пили и гудели
про Бога, черта и Гюго.

Я помню шрам у подбородка
и чуть заплывшую щеку,
и что на всем его веку
одна — по молодости — ходка,
одна жена и дочь красотка,
страна одна, изба одна,
одна афганская война,
одна с рождения походка.

Я помню дым табачный вязкий,
я помню лай собачий.
Три года мучился он язвой —
все так — и не иначе.

* * *

Дешевых дач нахохлившихся чубы,
где виноград, откинувшийся ниц,
где ждут дождя, как смерти или чуда.
И дождь везут. И грохот колесниц.

И длинных рук, рабочих, постаревших,
десяток рук заштопывают даль.
И друг об друга — высохший орешник,
и об фасад — со скрежетом — миндаль.

Подперт забор оставленным поленом
на всякий случай — мало ли чего.
Не мало. И целует баба Лена,
меня целует в жаркое чело.

* * *

Сад был черен и чист,
где-то за или над —
гладко выбрит, плечист —
дом стерег этот сад.

Потных окон огни
желтым жаром вовне.
Уходя, подмигни
опустевшей весне.

Ворон рвано лежит,
выгнув крылья назад,
на снегу, у межи,
где кончается сад.

Где кончается час,
чем кончается он?
Поздний ветер, резвясь,
чешет ежики крон.

И виляет хвостом,
заметая следы,
твой затылок ведом —
кем — сквозь яблонь ряды?

И куда? — только дом
не моргает. И сад,
растянувшись пластом,
не пропустит назад.